



Хроники
темных
времен

Клятва мстителя



МИШЕЛЬ ТЕЙВЕР

Хроники темных времен

Мишель Пейвер

Клятва мстителя

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Пейвер М.

Клятва мстителя / М. Пейвер — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Хроники темных времен)

ISBN 978-5-389-19059-7

Несколько месяцев назад Торак был изгнанником, но теперь, когда убит его лучший друг и похищен огненный опал, он клянется отомстить и становится преследователем. Он отправляется в погоню за Пожирателем Душ, а вместе с ним идут его приемный отец, вождь племени Тюленя, и девушка, в которую Торак влюблен. Сам юноша не принадлежит ни к одному из племен, он охотится с Волком и двумя воронами. Их путь лежит в Сердце Леса, где растут загадочные деревья, где водятся неведомые звери, где царят свои законы и обычаи – и где пылает война племен. Захватывающая история о дружбе, верности и мести.

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-19059-7

© Пейвер М., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мишель Пейвер

Клятва мстителя

Michelle Paver
Oath Breaker

Text copyright © Michelle Paver 2008

Illustrations copyright © Geoff Taylor

© И. Б. Русакова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

От автора

Мир Торака – это мир, который существовал шесть тысяч лет назад, то есть после ледникового периода и до того, как земледелие распространилось на эту часть Северо-Западной Европы, тогда земли Торака были одним сплошным Лесом.

Люди из мира Торака были очень похожи на вас или на меня, но их образ жизни радикально отличался от нашего. У них не было письменности, не было железа и колеса, но они во всем этом и не нуждались. Они превосходно умели выживать. Они знали все о животных, о деревьях, о растениях и камнях в Лесу. Если им что-то требовалось, они знали, где это найти или как это сделать.

Они жили небольшими племенами, многие кочевали, некоторые, как племя Волка, устраивали стоянку, но только на несколько дней, другие не снимались со стоянки целый месяц или целый сезон, как племена Ворона или Ивы, а другие, как племя Тюленя, жили на одном месте круглый год. Поэтому со времени событий «Изгнанника» многие племена поменяли место стоянки, вы увидите эти места на обновленной карте.

Работая над «Клятвопреступником», я познакомилась с древними деревьями, которыми так богаты земли Соединенного Королевства. Я также провела много времени в Беловежском национальном парке в Восточной Польше. Там я видела зубронов (помесь домашнего скота и европейских бизонов), кабанов, тарпанов (род дикой лошади), несколько пораженных молниями деревьев и столько видов дятлов, сколько не видела за всю свою жизнь. В Беловежской пуще, в особенности во время долгих пеших прогулок по строго охраняемой территории, я почерпнула вдохновение, которое помогало мне при описании различных частей Сердца Леса и его обитателей. Там же у меня была возможность изучить две великолепные бобровые дамбы и хатки, с них я списала хатку, в которой укрывался во время пожара Торак.

Излишне говорить о том, что я подружилась с волками из Британского общества охраны волков. Наблюдая за тем, как волчата превращаются в молодых волков, и разговаривая с преданными своему делу волонтерами, я постоянно черпала вдохновение и силы.

* * *

Хочу поблагодарить всех сотрудников Британского общества охраны волков за то, что позволили мне сблизиться с их великолепными волками. Обществу охраны лесов спасибо за помощь в получении доступа к некоторым древним деревьям, описание которых я использовала в своей работе. Благодарю Деррика Койла, старшего смотрителя воронов лондонского Тауэра, чьи обширные познания и опыт служили постоянным источником моего вдохновения. Доброжелательных сотрудников Беловежского национального парка и Музея национальной истории и лесничества в Беловеже. Гидов из Бюро переводческих услуг и туристическое агентство РТТК, в особенности преподобного Мечислава Пиотровски, главного гида РТТК, который с разрешения главного лесничего района Дружки Беловежского национального парка показал мне бобровые хатки.

Наконец, как всегда, хочу поблагодарить моего агента Питера Кокса за его неиссякаемый энтузиазм и поддержку, невероятно одаренного и одновременно прекрасного редактора и издателя Фиону Кеннеди за ее воображение, а также за ее вклад и понимание.

Мишель Пейвер, 2008

Глава 1



Иногда нет никаких предостережений. Ни одного.

Лодка из шкур летит, как баклан, над волнами, от ударов весла серебристая мойва ныряет в бурые водоросли, и все идет отлично: на Море рябь, солнце светит в глаза, а в спину дует холодный ветер. И тут из воды выныривает камень, большой, больше кита, и ты несешься прямо на него и вот-вот разобьешься...

Торак отклонился вбок и энергично заработал веслом. Лодка накренилась и, чуть не перевернувшись, с шипением проскользнула в одном пальце от скалы.

Вымокший Торак, сплевывая соленую воду, с трудом выровнял лодку.

– Ты как там? – крикнул, обернувшись, Бейл.

Торак почувствовал себя глупо и буркнул в ответ:

– Скалу не заметил.

Бейл улыбнулся:

– На стоянке – парочка новичков, хочешь к ним?

– После тебя! – Торак ударил веслом по воде и забрызгал Бейла. – Давай наперегонки до Утеса!

Парень из племени Тюленя издал боевой клич, и они, вымокшие в холодной воде и возбужденные, бросились вперед. Высоко над головой Торак заметил две черные точки и свистнул. Рип и Рек спикировали и, едва не касаясь воды крыльями, полетели рядом с лодкой. Торак обогнул льдину, и вороны обогнули ее вместе с ним. Гладкие черные перья сверкали на солнце фиолетовыми и зелеными искрами. Вороны обогнали Торака, он ринулся в погоню. Мышцы горели от напряжения, от соли щипало лицо. Торак смеялся во весь голос, это было так здорово, как будто у него тоже выросли крылья.

Бейл, на два лета старше, да еще и лучший гребец, ушел вперед и скрылся в тени мыса, который все называли Утесом. Море, когда они вышли из залива, изменилось, волны набросились на лодку Торака и едва не поставили ее на дыбы.

Торак удержал лодку на плаву, но она к этому моменту уже успела развернуться. Залив Тюленей в солнечный день был таким красивым, что Торак на секунду забыл о гонке. В южном конце виднелась дымка от брызг водопада, над отвесными скалами кружили чайки. На берегу над шалашами племени Тюленя поднимались струйки дыма, подвешенная на длинных шестах соленая треска сверкала на солнце, как будто была вся в инее. Торак сразу заметил Фин-Кединна – его темно-рыжие волосы были как огненный маяк на фоне светловолосых Тюленей. А еще там была Ренн, она показывала стайке малышей, как надо стрелять из лука, а те не сводили с нее восхищенных глаз. Торак улыбнулся. Для Тюленей лук и стрелы были не таким привычным оружием, как гарпуны, которыми они орудовали мастерски, а Ренн была не самой терпеливой наставницей.

Бейл крикнул, напомнив о гонке, Торак развернул лодку и налег на весло.

Только оставив за спиной Утес, они поняли, что жутко проголодались, зашли в небольшую бухту и там развели костер из плавника и водорослей. Прежде чем поесть, Бейл бросил на мелководье кусочек сушеной трески для Матери-Моря и хранителя его племени. Торак – у него хранителя не было – насадил на ветку куста можжевельника кусочек кровяной колбасы как свое подношение Лесу. Это было немного странно, ведь до Леса надо было три дня плыть на восток, но не сделать этого было бы совсем странно.

Потом Бейл разделил остатки сушеной трески – она была сладкая, жесткая и по вкусу почему-то не похожа на рыбу, – а Торак набрал с валунов пригоршни мидий. Мидии они съели сырыми, разламывая и вычерпывая одной створкой из другой сочное оранжевое мясо. Потом вместе доели лосиную колбасу Торака. Бейл, как и все из его племени, уже не так напрягался из-за смешения привычек людей Леса и людей Моря, отчего жить всем стало только легче.

Так и не наевшись, они решили сварить похлебку. Торак набрал в свой бурдюк воды из ручья и повесил его на палки рядом с костром, а потом кинул в воду раскалившуюся в огне гальку. Бейл для заправки насобирал на отмели красного морского мха и накопал в песке ракушечных червей, а Торак добавил морской капусты, очень уж ему хотелось, чтобы хоть какая-то зелень в похлебке напоминала о Лесе.

Пока похлебка варилась, Торак присел на корточки у костра и протянул к огню онемевшие от холода пальцы. Бейл смастерил ложку – достал из своего мешочка для шитья сухожилие тюленя и привязал створку мидии к черенку от куста водорослей.

– Хорошего улова! – крикнул кто-то со стороны Моря.

Ребята от неожиданности подскочили на месте.

Это был рыбак из племени Баклана, его сеть из шкуры моржа была набита сельдью.

– И тебе хорошего улова! – ответил на общее для Морских племен приветствие Бейл.

Рыбак выгреб на мелководье и присмотрелся к тонким черным татуировкам на щеках у Торака.

– Кто твой друг из Леса? – спросил он, обращаясь к Бейлу. – Это татуировки племени Волка?

Торак открыл было рот, но Бейл его опередил:

– Он – мой сородич, приемный сын Фин-Кединна. Он охотится с Воронами.

– И я не из племени Волка, у меня нет племени, – добавил Торак и взглядом дал понять рыбаку, что ему все равно, что тот об этом думает.

Мужчина протянул руку к перьям племенной птицы на плече.

– Я слышал о тебе. Ты тот, которого изгнали.

Торак непроизвольно потрогал повязку, которая скрывала татуировку изгнанника у него на лбу. Фин-Кединн изменил ее так, что она больше не означала изгнания, но даже вождь племени Ворона не мог стереть его воспоминания.

– Племена приняли его обратно, – сказал Бейл.

– Я слышал. Ладно, хорошего улова, – сказал мужчина, но обращался он к Бейлу, а на Торака только глянул подозрительно, перед тем как уплыть с мелководья.

– Не бери в голову, – сказал, немного помолчав, Бейл.

Торак не ответил.

Бейл бросил ему ложку:

– Держи, ты ж свою на стоянке оставил. И выше нос! Он из Бакланов. Что они понимают?

Торак оскалил зубы в улыбке:

– Да, как и Тюлени.

Бейл бросился на приятеля. Они схватились и со смехом начали кататься по гальке, пока Торак не провел захват локтем за шею и Бейл не попросил о пощаде.

Ели молча, изредка сплевывая по мелочи для Рипа и Рек. Потом Торак лег на бок у костра, а Бейл подкинул в огонь еще немного плавника. Парень из племени Тюленя не заметил, как к нему со спины бочком припрыгал Рип. Воронам очень нравились длинные светлые волосы Бейла, в которые он вплетал нити с бусинами из голубого сланца и тонкие кости мойвы.

Рип ухватил сильным клювом одну из косточек и потянул. Бейл вскрикнул. Рип выпустил косточку и присел, наполовину расправив крылья: ни дать ни взять несправедливо подозреваемый ворон. Бейл рассмеялся и бросил ему кусок ракушечного червя.

Торак улыбнулся – здорово, что Бейл снова рядом. Он был ему как брат; во всяком случае, Тораку казалось, что братья должны быть именно такими. Их с Бейлом радовали одинаковые вещи, они смеялись над одинаковыми шутками. Но они были разными: Бейлу скоро исполнится семнадцать лет, он найдет себе спутницу и построит собственное укрытие. Тюлени никогда не меняли место стоянки, а значит, Бейл, если не считать походов в Лес для торговли с другими племенами, будет всю жизнь жить на узком берегу Залива Тюленей.

Всю жизнь на одном месте. Даже при одной мысли об этом Тораку становилось трудно дышать и возникало ощущение, будто его связали. Но с другой стороны, такая жизнь давала уверенность людям племени Тюленя, она словно расстилалась перед ними, как хорошо выделанная тюленья шкура. Тораку порой хотелось почувствовать, каково это.

Бейл уловил перемену в настроении друга и спросил, скучает ли он по Лесу.

Торак пожал плечами.

– А по Волку?

– Всегда.

Волк ни в какую не соглашался забираться в лодку, поэтому им пришлось плыть без него. Торак по-волчьи пообещал своему брату по стае, что скоро вернется, но он не был уверен, что Волк его понял.

Мысли о Волке не давали ему покоя.

– Становится поздно, – сказал он. – К сумеркам мы должны быть на Утесе.

Поэтому Торак с Ренн и Фин-Кединном сюда и пришли. В конце зимы на острове снова начались волнения, и они подозревали, что это Пожиратели Душ ищут последний кусок огненного опала, который был спрятан после смерти колдуна племени Тюленя. Всю прошлую половину месяца они по очереди выходили в дозор. Сегодня был черед Бейла с Тораком.

Бейл сосредоточенно оттирал песком бурдюк. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал и только покачал головой и нахмурился.

Это было на него не похоже, обычно он говорил прямо, долго не раздумывал, а тут вдруг засомневался. Торак понял, что разговор предстоит серьезный, поэтому просто вертел между пальцами ветку морской капусты и ждал.

– Когда ты пойдешь обратно в Лес, – не глядя Тораку в глаза, начал Бейл, – я собираюсь попросить Ренн остаться. Здесь. Со мной. Я хочу знать, что ты об этом думаешь.

Торак даже не пошевелился.

– Торак?

Он бросил морскую капусту в костер и смотрел, как ее пожирают багровые языки огня. У него было такое ощущение, как будто он шел себе спокойно и внезапно оказался на краю отвесной скалы.

– Ренн может поступать, как ей хочется, – наконец сказал он.

– Но ты, ты что думаешь?

Торак вскочил на ноги. От злости у него начало покалывать кожу, а сердце неприятно заколотилось в груди. Он сверху вниз посмотрел на Бейла. Бейл был красивым парнем, он был старше, и он был членом племени. Торак понимал, что, если останется, они подерутся и в этот раз все будет по-настоящему.

– Я уйду, – сказал он.

– Обратно на стоянку? – как можно спокойнее спросил Бейл.

– Нет.

– Тогда куда?

– Просто уйду.

– А как же дозор?

– Без меня обойдешься.

– Торак. Не надо...

– Я сказал – без меня обойдешься!

– Хорошо, хорошо.

Бейл устался на огонь, а Торак развернулся кругом и побежал к своей лодке. Он поплыл к северному побережью, подальше от залива Тюленей. Злость ушла, остались только холод в душе и путаница в голове. Ему нужен был Волк, но Волк был далеко.

Торак заметил небольшую бухту и пристал к берегу, там затащил лодку вверх по заросшему редкими деревьями пологому склону. Ему надо было вдохнуть запах берез и рябин, пусть даже они были низкорослыми и все пропитаны солью, не то что деревья в Лесу. Торак не мог вернуться в Залив Тюленей, только не в этот вечер, и он решил заночевать в этой бухте.

У Торака не было ни сумки, ни спального мешка, но, став изгнанником, он всегда, куда бы ни шел, носил при себе все необходимое: топор, нож и трутьицу. Торак перевернул лодку вверх дном, подпер ее подобранными на берегу палками и обложил по бокам прошлогодними ветками и папоротником, так что она стала похожа на шалаш.

Потом развел костер из плавника и построил из камней стенку, чтобы она направляла жар в его укрытие. Вокруг хватало сухого папоротника и водорослей для подстилки, парка и штаны из оленьей шкуры хорошо сохраняли тепло, а будет холодно – ничего, потерпит.

Ночь была ясная. Месяц Березового Сока подходил к концу, Тюлени называли его Месяцем Прохода Трески. На мелководье билась о камни одинокая льдинка. Рип и Рек устроились на ночлег в развилке березы за костром и спрятали клювы под крыльями.

Торак лежал на подстилке и смотрел на огонь. С тех пор как он стал изгнанником, прошло девять лун, а он все не мог привыкнуть к тому, что можно ночевать на открытом месте и не прятать от чужих глаз свой костер. Правильно было бы вернуться. Но он не хотел видеть Бейла. Или Фин-Кединна. Или Ренн.

Запахнув плотнее парка, Торак почувствовал, как что-то твердое ткнулось ему в бок. Это была ложка Бейла, наверное, он, перед тем как уйти, заткнул ее за пояс. Торак повертел ложку в руке, она была хорошо сделана – сухожилия намотаны туго, а конец аккуратно заткнут под обмотку.

Торак шумно выдохнул. Утром он вернется и попросит прощения. Бейл его поймет, он всегда был понятливым и никогда не дулся. Спал Торак плохо, во сне он слышал, как ухает сова, и еще Ренн что-то ему говорила, но он не мог разобрать слов.

Где-то после полуночи он проснулся. Это было время, когда луну заглатывал небесный медведь и спокойное Море отражало только мерцающий свет звезд.

Торак больше не мог оставаться в этой бухте, надо было вернуться в Залив Тюленей, забраться на Утес, найти Бейла.

Сонный и так и не отдохнувший, Торак разобрал свое укрытие и залил костер водой. Рип и Рек неохотно расправили крылья и, чтобы продемонстрировать недовольство от такого раннего подъема, взъерошили перья на голове. Но когда Торак спустил лодку на мелководье и отчалил, он тут же услышал шорох размеренных взмахов их мощных крыльев.

На востоке солнце, как ножом, провело алую черту между Морем и небом, но Залив Тюленей еще был во мраке, а черный силуэт Утеса вырисовывался на фоне звездного неба. Чайки еще не проснулись, и в укрытиях племени Тюленя было тихо. Тишину нарушал только шум водопада, плеск набегавшего на берег Моря и скрип подвешенной на шестах трески.

Торак пристал к берегу в северной оконечности залива. Под ногами хрустели ракушки. Он вдыхал едкий запах костров, в которых и ночью продолжали поддерживать огонь. Подвешенная на шестах треска наблюдала за ним мертвыми просоленными глазами.

Рек отрывисто каркнула – она заметила стервятника, – и оба ворона полетели к камням у подножия Утеса.

Было темно, и Торак не мог разглядеть, что они там нашли, но у него почему-то зашевелились волосы на затылке.

Что бы это ни было, Рип и Рек приближались к нему осторожно – подпрыгивали ближе и тут же отлетали назад.

Торак попытался убедить себя, что это могло быть что угодно, но не вышло – он сорвался с места и побежал, спотыкаясь о кучи гниющих водорослей. Почуял сладковатый запах, который ни с каким другим не спутаешь. Опустился на колени.

«Нет. Нет».

Наверное, он это не подумал, а прокричал, потому что вороны громко закаркали и отлетели в сторону.

Нет.

Торак на карачках подобрался ближе. Вляпался в какую-то лужу. Пальцы стали красными. Увидел белые осколки костей в серой склизкой жиже. Что-то темное сочилось сквозь длинные светлые волосы со вплетенными бусами из голубого сланца и рыбьими косточками. Торак видел знакомое лицо. Невидящие глаза смотрели в небо.

Иногда нет никаких предостережений. Ни одного.

Глава 2



«Это все не по-настоящему», – подумал Торак.

Он отказывался видеть эти скрюченные пальцы и запекшуюся под ногтями кровь. Это все не по-настоящему. На скале закричала чайка. Торак поднял голову и увидел свисавший с края Утеса куст можжевельника. Он представил, как Бейл, стоя на коленях, наклонился слишком далеко вперед. Как он отчаянно цеплялся за куст. Как хрустнула ветка – и он полетел вниз на камни.

«О Бейл! Почему ты подошел так близко к краю?»

Холодный ветер пробежался по шее Торака сверху вниз. Он вздрогнул – души Бейла были рядом, и они злились. Злились на него.

«Если бы ты не ушел, я был бы жив».

Торак закрыл глаза. Метки Смерти. Да. Души надо удерживать вместе, иначе Бейл может стать демоном или духом.

«Ну хоть это я могу для тебя сделать», – подумал Торак.

Негнушимися пальцами он развязал свой мешочек для целебных трав и вытряс из него рожок матери и маленькую ложку из створки раковины. Торак сморгнул набежавшие слезы – он даже не поблагодарил Бейла за ложку. Они ели молча. Потом поругались.

«Нет, – напомнил себе Торак, – Бейл с тобой не ругался. Это ты ругался. Твои последние слова, которые ты ему сказал, были словами злости».

Метки Смерти.

Торак засунул ложку обратно в мешочек. Высыпал на ладонь окровавленную землю и хотел смочить ее слюной, но во рту пересохло. Тогда он нетвердыми шагами добрал до лужицы между камнями и с помощью морской воды превратил горстку охры в кашицу. На обратном пути, чтобы не прикасаться к мертвому телу, обмотал указательный палец водорослями.

Бейл лежал на спине, на его лице никаких следов не было – у него затылок раскололся, как яичная скорлупа. Торак нарисовал охрой круги у Бейла на лбу, на груди и на пятках. То же самое он когда-то делал со своим Па. Метка на груди отца далась ему труднее всего, потому что там была вырезана татуировка Пожирателей Душ. У Торака у самого на груди был такой же шрам, так что, когда придет его время, метку тоже будет поставить непросто. Грудь Бейла была гладкой, идеальной для меток.

Закончив с обрядом, Торак сел на корточки. Он понимал, что сидит слишком близко к телу и что это самое опасное время, когда души могут попытаться завладеть живыми. Но он и не подумал уйти.

У кого-то под ногами скрипнули водоросли. Торака окликнули по имени.

Он оглянулся.

Ренн, увидев его лицо, остановилась.

– Не подходи, – резко сказал Торак и сам не узнал свой голос.

Но Ренн не послушалась, она подбежала к Тораку и увидела то, что он не хотел ей показывать. Кровь отхлынула от ее лица.

– Он сорвался, – сказал Торак.

Ренн затрясла головой, ее губы беззвучно повторяли: нет, нет. Торак видел, как она смотрит в пустые глаза Бейла, потом на разбрызганные мозги и кровь под ногтями. Все это останется с ней навсегда, и он не сможет защитить ее от этого.

Кровь под ногтями.

При этой мысли его вдруг словно накрыло ледяной волной. Это кровь не Бейла. Кто-то был с ним там, на Утесе. Бейл не сорвался вниз. Его столкнули.

За спиной Ренн появился Фин-Кединн. Его пальцы крепче сжали посох, плечи опустились, но лицо оставалось непроницаемым.

– Ренн, – тихо сказал он, – иди и приведи сюда вождя Тюленей.

Ему пришлось повторить это дважды, но Ренн, когда наконец его услышала, в кои-то веки не стала перечить и, как во сне, побрела обратно к стоянке.

Фин-Кединн посмотрел на Торака:

– Как это случилось?

– Я не знаю.

– Почему? Разве ты не был с ним?

Торак поморщился:

– Нет, я... я должен был, но меня с ним не было.

«Если бы я был рядом, он бы не умер. Это моя вина. *Моя вина*».

Их взгляды встретились, и Торак увидел в пронизательных голубых глазах Фин-Кединна понимание и жалость – жалость к нему.

Вождь племени Ворона поднял голову и оглядел Утес.

– Поднимись туда и узнай, кто это сделал, – сказал он.

* * *

Когда Торак поднимался по крутой тропинке на Утес, первые лучи солнца уже освещали колючки на кустах можжевельника. Он сразу заметил следы Бейла, их он знал так же хорошо, как следы Ренн или Фин-Кединна. Других следов на тропинке не было, а значит, тот, кто убил Бейла, пришел не со стоянки Тюленей.

Тот, кто убил Бейла.

Торак все никак не мог в это поверить. Еще вчера они вместе потрошили на отмели треску, Рип и Рек бочком подсакивали ближе, а Бейл бросал им теплые потроха. Когда последняя треска была подвешена на шест, у них появилось время покататься на лодках. Асриф одол-

жил Тораку свою, а Детлан с маленькой сестрой пошли их провожать. Детлан на своих клюках так яростно махал им рукой, что чуть не завалился на спину.

Все это было еще вчера.

На вершине Утеса густо росли рябины и можжевельник, но ближе к обрыву он был голым и очертаниями напоминал уходящую в Море плоскую лодку. Когда-то давным-давно на этой плоской каменной поверхности выбили изображения охотников и добычи, а в центре установили низкий алтарь из серого гранита в форме рыбы.

Торак сглотнул. Два лета назад колдун Тюленей привязал его к этому алтарю и приготовился вырезать его сердце. Торак до сих пор чувствовал лопатками твердый гранит и слышал стук когтей токорогов.

Снизу донесся вопль, как будто кого-то живым разорвали надвое. У Торака перехватило дыхание. Отец Бейла увидел тело сына.

«Не думай об этом. Думай о том, что здесь. Сделай это для Бейла».

Утес блестел от росы. Это был почти голый камень с редкими вкраплениями лишайника и очитка, найти след на такой поверхности крайне сложно, но, если он есть, Торак его найдет.

Он оглядел Утес с вершины. Что-то было не так, но Торак не мог понять, что именно. Отложив решение этой загадки на потом, Торак пошел вперед. Па часто повторял: чтобы выследить добычу, надо залезть к ней в душу и начать думать, как она. Ему надо было увидеть Бейла живым на Утесе и увидеть его безликого убийцу.

Убийца был сильным, если он смог одолеть Бейла, – это все, что знал о нем Торак. Надо было заставить Утес рассказать все остальное.

Первый след Торак нашел довольно быстро.

Он присел на корточки и, прищурившись, огляделся по сторонам при тусклом утреннем свете. След башмака, очень слабый. А там, похоже, другой. Взрослый мужчина шел, ступая с пятки, молодой шел, ступая с носка. Бейл легко поднялся на Утес.

Торак шел за ним шаг за шагом. Он растворился в поисках и уже не слышал голоса Моря, не чувствовал, как соленый ветер дует в лицо.

Ощущение, что кто-то за ним наблюдает, вернуло Торака к действительности.

А что, если убийца Бейла все еще прячется за рябинами?

Торак выхватил нож и резко обернулся.

– Торак, это я! – крикнула Ренн.

Он на выдохе опустил нож:

– Никогда больше так не делай!

– Я думала, ты слышал, как я подошла!

– Что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты! – Ренн разозлилась, потому что Торак ее напугал, но быстро взяла себя в руки. – Бейл не упал. У него под ногтями...

Они посмотрели друг другу в глаза. Торак подумал, что у него, наверное, сейчас такое же скорбное и напряженное лицо.

– Как это случилось? – спросила Ренн. – Я думала, ты был с ним.

– Нет, меня с ним не было. – Торак отвел взгляд.

– Иди первым, – сказала Ренн изменившимся голосом. – Ты лучший следопыт.

Торак опустил голову и продолжил поиски. Ренн пошла за ним, она редко подавала голос, когда Торак брал след, знала, что в это время он как будто впадает в транс и лучше его не отвлекать. Теперь Торак был ей за это благодарен. Ренн порой слишком многое замечала своими темными глазами, и он не мог рассказать ей о ссоре с Бейлом. Ему было слишком стыдно.

Пройдя совсем немного вперед, Торак обнаружил еще следы: клочок лишайника, оторванный от камня башмаком убежавшего; за алтарем – раздавленный зеленый лепесток очитка; в трещине – несколько волосков оленьей шерсти. У Торака мурашки побежали по коже.

Одежда Бейла была из тюленьей шкуры. Это след убийцы. Перед глазами Торака начал возникать его образ, словно охотник медленно выходил из тумана. Высокий, крупный мужчина в одежде из оленьей шкуры.

И сразу в ушах прозвучало его имя, но Торак запретил себе слышать.

«Только не гадай. Оставь разум открытым. Найди доказательства».

Он представил, как Бейл выходит из укрытия за рябинами и бежит к человеку, который стоит на коленях у алтаря. Убийца встает. Они кругами ходят друг перед другом, постепенно приближаясь к краю Утеса.

В одном месте на краю Утеса была трещина, ветер нанес туда земли, и теперь там цеплялся за жизнь куст можжевельника. Корни куста были наполовину выдернуты, из них еще сочился древесный сок. Торак видел, как Бейл одной рукой отчаянно хватается за ветку куста, а второй скребет землю. Он так яростно боролся за жизнь. И убийца отдавил ему пальцы ногой.

Красная пелена застлала Торак глаза. У него вспотели ладони. Когда он поймают убийцу, он...

– Кто бы это ни сделал, – дрожащим голосом сказала Ренн, – он наверняка очень силен, если смог одолеть Б...

Она прикусила костяшки пальцев – следующие пять месяцев будет запрещено произносить вслух имя Бейла, иначе его дух может вернуться, чтобы преследовать живых.

– Смотри. – Торак показал Ренн маленький кусочек еловой смолы. – И вот еще. – Он отодвинул ветку можжевельника и показал след ладони.

Ренн сделала глубокий вдох.

Убийца Бейла, чтобы посмотреть, как падает его жертва, наклонился и уперся одной рукой в землю. На этой руке у него было только три пальца.

Торак закрыл глаза. Он мысленно вернулся в пещеры Дальнего Севера и оказался лицом к лицу с Пожирателем Душ. Волк бросился ему на помощь, прыгнул на нападавшего и откусил у него два пальца.

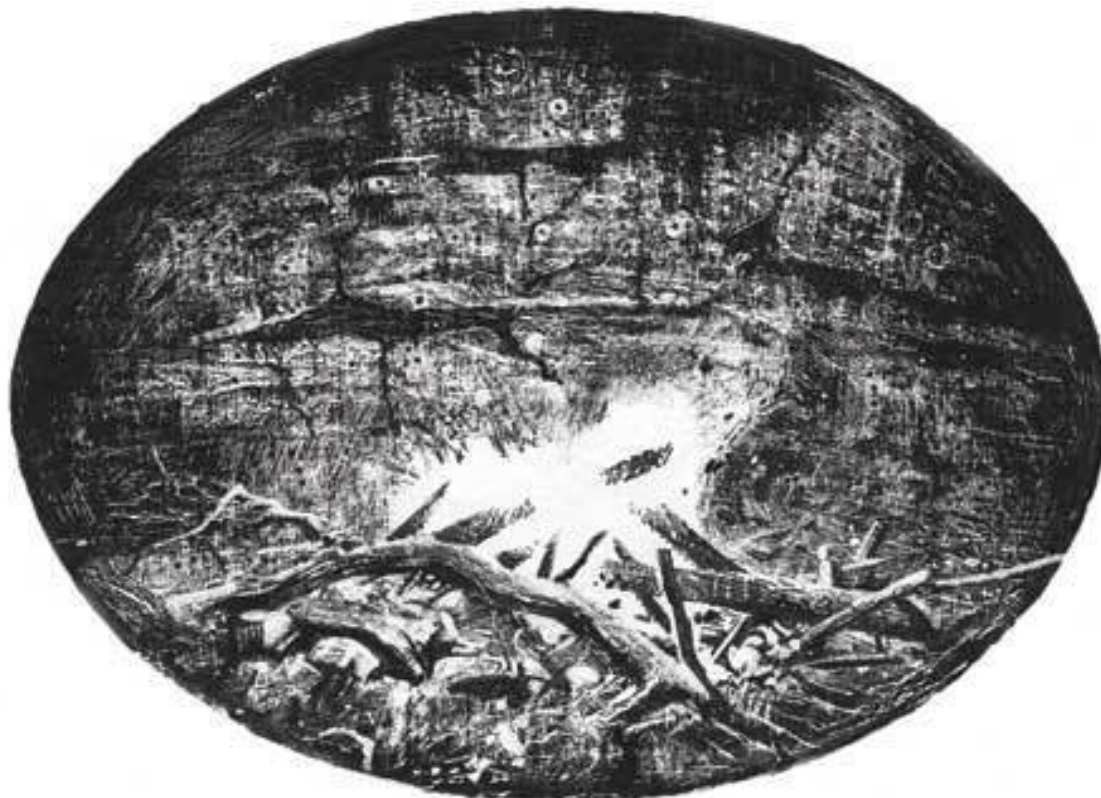
– Теперь мы знаем, – бесстрастным голосом сказала Ренн.

Они с Торак посмотрели друг на друга и одновременно вспомнили жесткий взгляд, зеленые глаза и лицо, непроницаемое, как потрескавшаяся земля.

Торак сжал в кулаке кусочек еловой смолы.

– Тиаци.

Глава 3



Повелитель Дубов даже не пытался скрыть свои следы. Он спустился по северному склону Утеса в небольшую галечную бухту, сел в свою лодку и уплыл.

Торак и Ренн прошли по его следу до самой воды.

– Я мог его увидеть с того места, где тогда был, – сказал Торак.

– А почему ты решил там заночевать? – спросила Ренн.

– Я... мне надо было побыть одному.

Ренн пристально посмотрела на Торака, но больше ни о чем не спросила. Так было даже хуже. Возможно, она догадывалась о том, что он совершил ужасную ошибку, настолько ужасную, что не находил сил заговорить об этом.

Ренн отвернулась и посмотрела на Море.

– Сейчас он может быть где угодно. Он мог уже доплыть до Острова Водорослей или одного из тех, что поменьше. Или вернулся обратно в Лес.

– И у него преимущество во времени, – сказал Торак. – Идем.

Чтобы вернуться на стоянку Тюленей, им пришлось снова забраться на Утес. Алтарь все так же выглядел как-то неправильно. Ренн первая догадалась почему.

– Высеченные рисунки, – сказала она. – Вон там – верхушка алтаря пересекает голову лося. Это неправильно.

– Алтарь сдвигали.

Торак не мог поверить, что не заметил этого первым. Царапины бросались в глаза, как черный ворон на льдине. Торак представил, как Повелитель Дубов – самый сильный человек в Лесу – налег плечом на алтарь, сдвинул его, а потом вернул на место. Только у него не получилось сделать так, чтобы все было точь-в-точь как прежде.

Под верхушкой алтаря Торак увидел то, что искал Тиаци, – небольшое, выдолбленное в Утесе углубление. В нем было пусто.

– Он нашел то, за чем пришел, – сказал Торак.

Ни он, ни Ренн не сказали друг другу о своих опасениях, но Торак за рябинами на вершине Утеса нашел доказательства: обрывки мешочка из шкуры тюленя, на котором еще остались вмятины от чего-то твердого размером с дикую сливу.

У Торака кровь шумела в ушах, голос Ренн доносился как будто откуда-то издалека.

– Тиаци нашел его, Торак. Огненный опал у него.

* * *

– Никому об этом не говорите, – сказал Фин-Кединн. – Ни о том, что его убили, ни о том, кто это сделал и почему.

Торак сразу согласился, а вот Ренн не могла поверить своим ушам:

– Даже его отцу не говорить?

– Никому, – сказал вождь племени Ворона.

Они сидели на корточках у ручья в южной оконечности залива и глиной наносили друг другу на лица траурные метки. Шум водопада заглушал их голоса, так что можно было говорить, не опасаясь, что их услышат женщины, которые готовили поминальную трапезу ниже по течению, или мужчины, которые снаряжали лодку Бейла к Смертному Странствию. Тюлени работали молча, чтобы не оскорбить души умершего. Торак подумал, что они все делают, как будто во сне.

Весь день Торак помогал Тюленям. С наступлением сумерек все убежища, все лодки, все до единого шесты с треской перенесли в эту дальнюю от Утеса оконечность залива. Не перенесли только убежище, где Бейл жил со своим отцом. Его обмазали тюленьим жиром и подожгли. Торак видел, как оно горит, а оно, словно багровый глаз, смотрело на него из опускавшейся темноты.

– Но это неправильно, – возмутилась Ренн.

– Это необходимо. – Фин-Кединн перехватил взгляд племянницы и не отпускал, пока не объяснил почему: – Сама подумай, Ренн. Если его отец узнает, он будет искать мести.

– Да, и что? – огрызнулась Ренн.

– Он будет не один, – сказал Фин-Кединн. – Все племя захочет отомстить за сородича.

– Да, и что? – повторила Ренн.

– Я знаю Тиаци, – сказал Фин-Кединн. – Он не станет прятаться на островах, он вернется в Лес, а там его сила велика, как нигде. Он выберет самый короткий путь, это путь через торговое место на побережье...

– И если Тюлени пойдут за ним, – вступил в разговор Торак, – он стравит их с другими племенами, а сам улизнет.

Вождь племени Ворона кивнул:

– Да, и вот поэтому мы ничего им не скажем. Племена Моря и Леса никогда особо не ладили, Тиаци этим воспользуется. В этом его сила, он вскармливает ненависть. Пообещайте мне, что будете молчать.

– Обещаю, – сказал Торак.

Он не хотел, чтобы Тюлени пошли за Тиаци. Это была его личная месть.

– Обещаю, – неохотно сказала Ренн. – Но его отец все равно узнает. Он наверняка видел то, что видели мы. Кровь у... кровь у него под ногтями.

– Нет, – сказал Фин-Кединн, серые полосы поперек лба и вертикальные на щеках делали его лицо отрешенным и грозным. – Я об этом позаботился. – Он встал. – Идем, пора присоединиться к остальным.

На берегу оранжевые языки пламени плясали под темно-синим небом – это Тюлени установили в круг факелы из водорослей. В центре круга в своей лодке лежал Бейл. Торак вдыхал

вонь горящего тюленьего жира, от черного дыма щипало глаза, траурные метки, подсохнув, стягивали кожу. Он не мог поверить, что присутствует на погребальном обряде своего друга.

Первым в круг вошел отец Бейла. Он подошел к лодке и заботливо укрыл тело сына своим спальным мешком. Пожиратели Душ отняли у него двух сыновей. Его лицо было отрешенным, как будто он был где-то в другом месте.

«Как будто он на дне Моря», – подумал Торак.

Потом каждый из племени Тюленя положил в лодку свой дар для Смертного Странствия. Асриф – миску для еды, Детлан – несколько рыболовных крючков, а его младшая сестра, которой очень нравился Бейл, с трудом смогла сдержать слезы, когда опускала в лодку каменный светильник. Тюлени по очереди подходили к лодке и клали в нее одежду, сушеное мясо кита или трески, сети, копыя, веревки. Фин-Кединн положил гарпун, Ренн – три свои лучшие стрелы. Торак – собственный амулет из челюсти щуки для удачи на охоте.

Отступив в сторону, Торак наблюдал за тем, как мужчины подняли лодку на плечи и отнесли ее на мелководье. Там они привязали два тяжелых камня к носу и корме лодки, после этого отец Бейла на своей лодке потянул лодку с телом сына в Море.

Тюлени медленно вернулись к молчаливой поминальной трапезе, но Торак остался и смотрел, как две лодки постепенно превращаются в черные точки. Когда их не будет видно с берега, отец Бейла проткнет копьем погребальную лодку и отправит сына к Матери-Морю. Рыбы съедят плоть Бейла, как он при жизни ел их. А когда его убежище превратится в пепел и пепел развеет ветер, он исчезнет, как исчезает рябь с поверхности Моря.

«Но он вернется, – подумал Торак. – Он здесь родился. Здесь его дом. В Море ему будет одиноко».

Его окликнул Фин-Кединн:

– Торак. Идем. Ты должен присоединиться к трапезе.

– Не могу, – не обернувшись, сказал Торак.

– Ты должен.

– Я не могу! Я должен пойти за Тиаци.

Рядом с Фин-Кединном появилась Ренн.

– Торак, уже темно, – сказала она. – Даже луны нет, ты не можешь сейчас уйти. Как взойдет солнце, мы вместе уйдем.

– Ты должен почтить своего сородича, – сурово напомнил Фин-Кединн.

Торак развернулся и посмотрел на вождя племени Ворона:

– Моего сородича? Так мы теперь должны его называть? Моим сородичем. Парнем из племени Тюленя. Целых пять лет, пока не забудем его имя.

– Мы никогда не забудем его имя, – сказал Фин-Кединн. – Но так будет лучше. Ты сам знаешь.

– Бейл, его звали Бейл, – громко и отчетливо сказал Торак.

Ренн охнула.

Фин-Кединн не сводил с него глаз.

– Бейл, – повторил Торак, и снова: – Бейл, Бейл, Бейл!

Он решительно прошел между Фин-Кединном и Ренн и побежал по берегу. Остановился только у догоравшего убежища друга, повернулся к холодному Морю и крикнул:

– Бейл!

Если имя друга вызовет дух мести – пусть. Это он был виновен в том, что Бейл лежит на дне Моря. Если бы он не затеял ту ссору, Бейл не остался бы один на Утесе. Они бы встретили Повелителя Дубов вместе, и Бейл остался бы жив.

Он во всем виноват.

– Торак!

Ренн стояла по другую сторону догоравшего убежища Бейла, ее лицо блестело в отсветах огня.

– Перестань звать его по имени! Ты вызовешь его дух!

– Пусть приходит! Я это заслужил!

– Ты не убивал его, Торак.

– Но я виновен в его смерти! Как мне с этим жить?

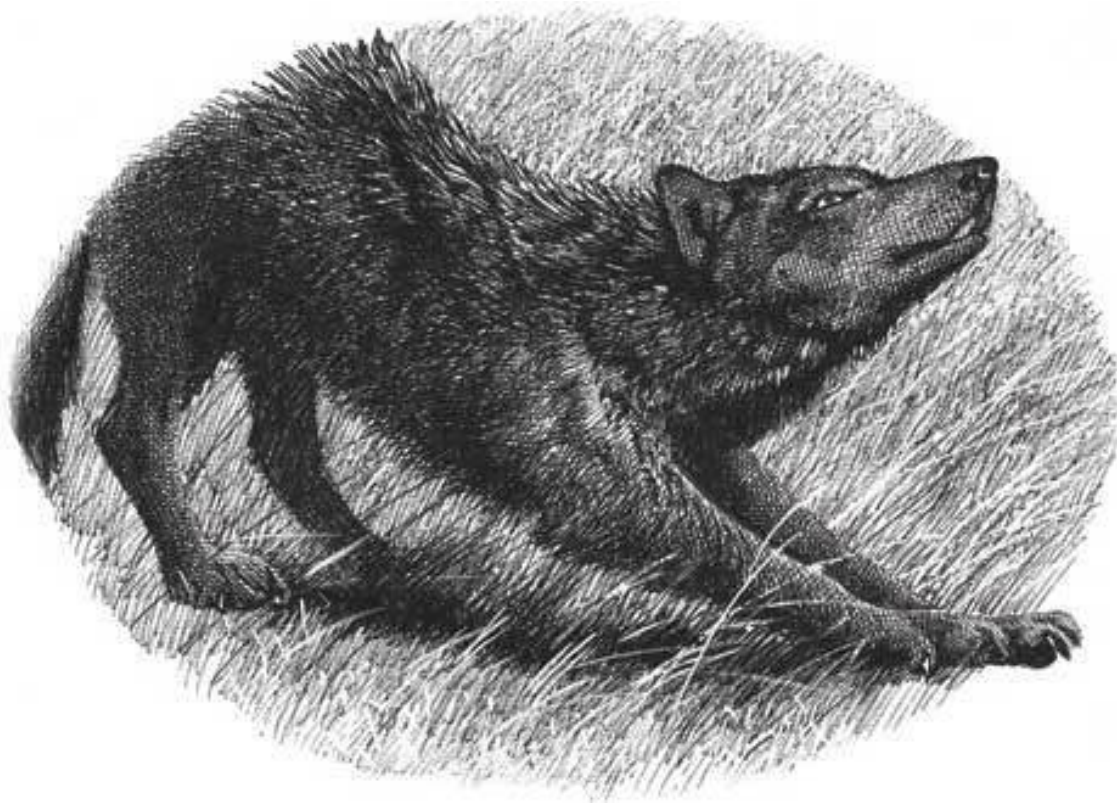
У Ренн не было ответа на этот вопрос.

– Фин-Кединн прав! – крикнул Торак. – Тюлени не могут мстить за Бейла, это должен сделать я!

– Перестань называть его имя...

– Мечь моя! – Торак поднял к небу нож и рожок с целебными травами. – Клянусь тебе, Бейл. Клянусь этим ножом, этим рожком и всеми моими тремя душами. Я найду Повелителя Дубов и убью его. Я отомщу за тебя!

Глава 4



Волк стоял на Белом Мягком Холоде у подножия Горы и смотрел на Темную Шерсть. До нее было много прыжков вверх, она смотрела на него вниз. Он чувствовал ее запах, слышал, как ветер ласкает ее прекрасный темный мех.

Волк замахал хвостом и заскулил.

Темная Шерсть замахала хвостом и заскулила в ответ. Но это была Гора Громовника. Волк не мог подняться к ней, а она не могла спуститься к нему.

Он тосковал по ней весь Великий Холод, тосковал, даже когда охотился вместе с Большим Бесхвостым и Сестрой. Особенно тосковал, когда играл в «придуши лемминга», потому что Темная Шерсть была хороша в этой игре. Из всех волков в стае Горы он тосковал по ней больше всего. Она и он были одним дыханием, одной костью. Он чувствовал это каждым волоском своей шерсти.

Темная Шерсть переступила передними лапами и пролаяла: *«Идем! Время охоты, сильная стая!»*

Волк опустил хвост.

Темная Шерсть продолжала его звать.

«Я не могу!» – ответил он.

Она прыжками помчалась к нему с Горы. Белый Мягкий Холод пушинками взлетал у нее из-под лап, сердце Волка от счастья взлетало вместе с ними. Он помчался ей навстречу, бежал так быстро, что...

Волк проснулся.

Он покинул ту жизнь, в которой оказывался во сне, и вернулся в ту, где лежал на краю Большого Мокрого. Он был один. Он тосковал по Темной Шерсти. Тосковал по Большому Бесхвостому и по Сестре. Он даже по воронам немного тосковал. Почему Большой Бесхвостый оставил его и ушел на плавающих шкурах?

Волк ненавидел это место. Здесь острая земля колола лапы, а птицы-рыболовы нападали, если он подходил слишком близко к их гнездам. Какое-то время Волк исследовал логова бесхвостых вдоль Большого Мокрого и Быструю Мокрую, которая впадала в него, но теперь ему это наскучило.

Эти бесхвостые не охотились, они просто ходили вокруг, выли и смотрели на камни. Они вели себя так, будто какие-то камни важнее других, хотя для Волка они все пахли одинаково. А когда бесхвостые передавали друг другу камни, они ссорились. Когда волк дарит что-то – косточку или необычную палку, – он делает это потому, что ему нравится другой волк, а не потому, что злится.

С наступлением Тьмы бесхвостые утомнились и стали готовиться к своему бесконечному сну, а Волк отправился разнюхать, что и как у них на стоянке. Собак он с презрением избегал. Съел пару рыбин, которые висели на палке, и вкуснейший кусок жира морской собаки. Нашел у Логова налапник и тоже его съел. Когда наступил Свет, он потрусил обратно в Лес, там примял папоротник, чтобы было помягче, и задремал.

Волка разбудил запах.

У него мгновенно напряглись лапы, и шерсть на загривке встала дыбом. Волк знал этот запах, он напомнил ему об очень плохом, даже кончик хвоста заныл.

Запах был сильный и уходил вверх по течению Мокрой. Волк с рычанием вскочил на лапы и бросился за запахом.

* * *

– Сколько можно повторять, – сказал охотник из племени Морского Орла, связывая вместе несколько рогов косули. – Я видел, как на берег сошел крупный мужчина. Все.

– И куда он пошел? – не отставал от охотника Торак.

Ренн двумя руками держала чашку с горячим березовым соком и гадала, когда у Морского Орла кончится терпение.

– Не знаю я! – огрызнулся охотник. – Я был занят, мне надо было торговать!

– Я думаю, он пошел вверх по течению, – сказала спутница охотника.

– Вверх по течению, – повторил за ней Торак.

– То есть он мог пойти куда угодно, – заметила Ренн.

Но Торак уже пошел на стоянку Воронов, к лодкам из оленьих шкур.

Шла вторая ночь после погребального обряда Бейла. После изматывающего перехода они наконец добрались до торгового места на побережье. Туман укрывал стоянки по всему берегу и в устье Лосиной реки. Племена Ивы, Морского Орла, Водорослей, Ворона, Баклана, Гадюки – все пришли на место торговли, чтобы обменять рога и панты на тюленьи шкуры и твердые Морские яйца. Фин-Кединн пошел вернуть лодки, которые им одолжили люди из племени Кита, а вороны устроились на ночлег на сосне. Волк не показывался.

Торак, то и дело цепляя плечом людей, решительно шел через толпу и не обращал внимания на недовольные взгляды, которые точно заслужил.

– Торак, подожди!

Ренн поравнялась с ним и, оглядевшись по сторонам, тихо, чтобы никто не услышал, спросила:

– А ты не подумал о том, что это западня? Пожиратели Душ уже ставили на тебя силки.

– Мне все равно, – сказал Торак.

– Сам подумай! Тиаци с Эострой где-то рядом, и они последние и самые могущественные из Пожирателей Душ.

– Мне все равно! Он убил моего сородича. Теперь я убью его. И не говори, что надо поспать, а утром мы пойдем дальше.

– Я и не собиралась, – раздраженно ответила Ренн. – Я собиралась сказать, что пойду за припасами.

– У нас нет времени. Мы отстаем от него на два дня.

– Отстанем еще на два, если будем терять время на охоту!

Ренн подошла к убежищу из оленьих шкур, которое делила с Саеунн, и остановилась. Не прошло и одной луны с тех пор, как она вышла из него и побежала к лодкам, потому что не хотела расставаться с Фин-Кединном и Тораком и очень хотела снова увидеть Бейла.

Ренн закрыла глаза. Вспомнила, как, не веря своим глазам, смотрела на его распластанное на камнях тело. Вспомнила его невидящие голубые глаза. Серую слизь рядом с головой. Она тогда сказала себе, что это его мысли и теперь их впитывает лишайник.

Эта картина всплывала у нее перед глазами и днем и ночью. Ренн не знала, видит ли такое Торак, потому что он не желал разговаривать, а если говорил, то только о том, что надо найти Тиаци. Казалось, что у него в душе не осталось места для скорби.

Ренн почувствовала, как капелька тумана стекла у нее по шее, и поежилась. Она устала, ее тело одеревенело после долгого перехода, а внутри было пусто от горя и одиночества. Она никогда не думала, что можно быть такой одинокой среди людей, которых любишь.

Охотники появлялись из темноты и снова исчезали. Ренн представила, как Тиаци держит в руке огненный опал и с вожделием пожирает его глазами. Он тот, кто наслаждается, причиняя боль, и живет только ради власти.

В углу укрытия под заплесневелой лосиной шкурой спала колдунья племени Воронов. За зиму она так усохла, что ее тело стало похоже на пустой бурдюк для воды. Саеунн редко отходила от убежища дальше отхожего места, а когда племя снималось со стоянки, до следующей ее несли на носилках. Ренн удивлялась, как у колдунии еще бьется усохшее сердце: в ее дыхании уже чувствовалось дуновение с кладбища Воронов.

Тихо, чтобы не разбудить Саеунн, Ренн начала складывать припасы в мешки из кишок зубра: печеные лесные орехи, копченую конину, муку из толченой таволги, сушеную бруснику для Волка.

Лосиная шкура пошевелилась.

Ренн замерла.

Из-под шкуры показалась старческая макушка в пигментных пятнах. Колдунья племени Воронов цепким взглядом оглядела Ренн.

– Так-так. – Голос Саеунн был похож на шелест сухих листьев. – Вижу – уходишь. Раз уходишь – знаешь, куда он пошел.

– Не знаю, – сказала Ренн.

Саеунн всегда запускала коготь в самое уязвимое место.

– Но Лес велик... Ты наверняка уже попыталась выяснить, куда он пошел.

Саеунн говорила о колдовстве.

– Нет, не пыталась, – пробормотала Ренн и крепче сжала в руках мешок с припасами.

– Почему?

– Не смогла.

– Но у тебя есть дар.

– Нет, нету. – Ренн почувствовала, что вот-вот расплачется. – Считается, что я могу видеть будущее, а я не смогла предвидеть его смерть, – с горечью в голосе сказала она. – Что хорошего в том, чтобы быть колдуньей, если я не смогла это предвидеть?

– У тебя, может, и есть дар, – проскрипела Саеунн, – но ты еще не стала колдуньей.

Ренн захлопала глазами.

– Когда станешь – сразу поймешь. Хотя твой язык может узнать об этом раньше тебя.

«Загадки, почему вечно одни загадки?» – подумала Ренн.

– Да, загадки. – Колдунья захрипела, и хрип ее был похож на смех. – И ты должна их разгадать! – Она перевела дыхание. – Я раскинула кости.

На пороге укрытия появился Торак.

Он нетерпеливо посмотрел на Ренн, но она, подняв руку, попросила его молчать и спросила колдунью:

– Что ты увидела?

Саеунн облизнула десны серым, как плесень, языком.

– Багровое дерево. Охотник с пепельными волосами горит изнутри. Демоны. Скрежет под обожженными камнями...

– Ты видела, куда пошел Тиаци? – грубо оборвал ее Торак.

– О да... Я видела.

Рядом с Торакон появился Фин-Кединн.

– Тиаци идет в Сердце Леса, – мрачно сказал он.

– Сердце Леса, – эхом отозвалась Саеунн. – Да...

– Только что пришли люди из племени Кабана, – сказал Фин-Кединн. – Они пришли по Широкой Воде и говорят, что у брода видели большого мужчину в долбленке, он направлялся к Черной Воде.

Торак кивнул:

– Он из племени Дуба, из Сердца Леса, туда он и направляется.

– Возьмем две лодки, – сказал Фин-Кединн. – Я велел племени оставаться здесь, а мы пойдем вверх по реке.

Торак вскинул голову:

– «Мы»?

– Я иду с тобой, – сказал Фин-Кединн.

– И я, – подхватила Ренн, но ее как будто не услышали.

– Зачем тебе? – спросил Торак Фин-Кединна.

Ренн стало больно – она поняла, что Тораку они не нужны, он хочет сделать это сам.

– Я знаю Сердце Леса, а ты нет, – ответил Фин-Кединн.

– Нет! – взвизгнула Саеунн. – Фин-Кединн, ты не должен идти! – Все посмотрели на колдунью. – Кости показали мне кое-что еще, и это сбудется. Фин-Кединн, ты не дойдешь до Сердца Леса.

У Ренн закололо в груди.

– Тогда мы пойдем вдвоем, только Торак и я, – сказала она.

Фин-Кединн посмотрел на племянницу, ей было знакомо это выражение лица, и она поняла, что спорить бесполезно.

– Нет, Ренн, – с пугающим спокойствием сказал он, – без меня у вас ничего не получится.

– Мы справимся, – стояла на своем Ренн.

Фин-Кединн вздохнул:

– Ты знаешь, что племена Зубра и Лесной Лошади не ладят с прошлого лета. Они не пустят на свою территорию чужаков. А меня они знают.

– Нет! – крикнула Ренн. – Саеунн знает, о чем говорит. Она никогда не ошибается.

Колдунья племени Воронов покачала головой и хрипло вздохнула:

– Ох, Фин-Кединн...

– Торак, скажи ему! – взмолилась Ренн. – Скажи, что мы справимся без него.

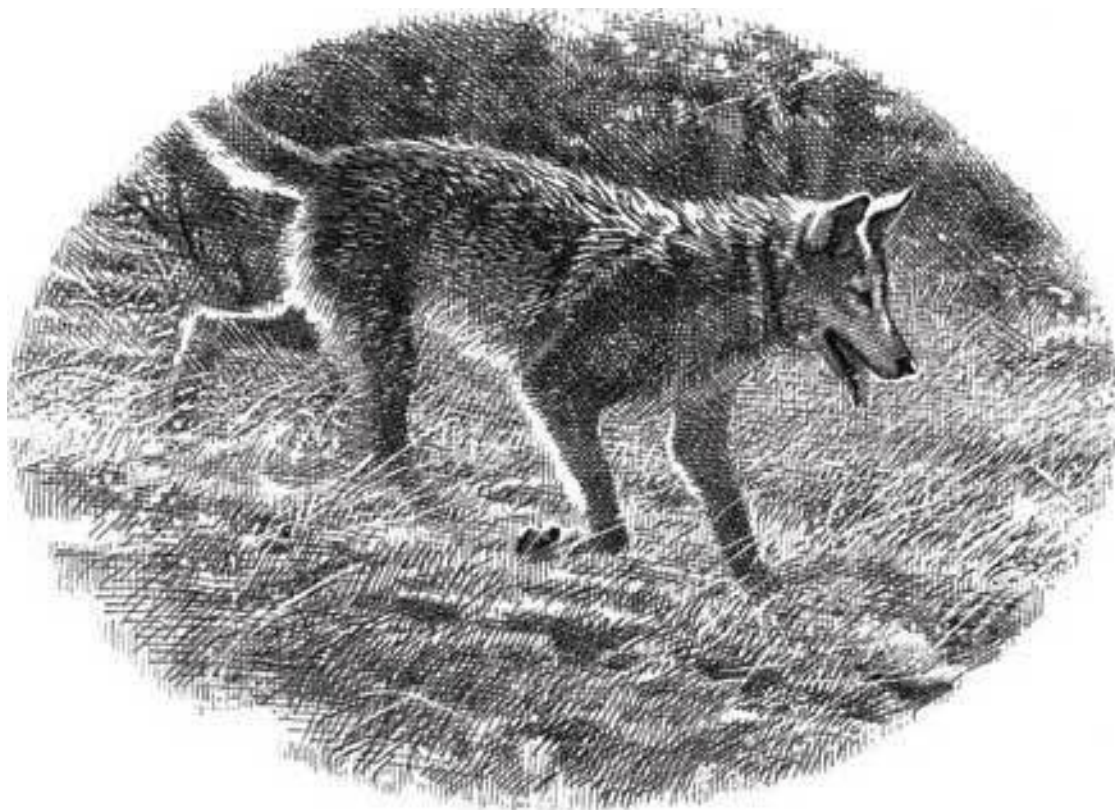
Но Торак взял мешок с припасами и, не глядя ей в глаза, пробормотал:

– Идем, мы теряем время.

Фин-Кединн взял у Ренн второй мешок:

– Пошли.

Глава 5



Волк бежал по следу. Лес просыпался после долгого сна. Добыча исхудала оттого, что в поисках пищи вынуждена была постоянно разрывать Белый Мягкий Холод. Волк спугнул лося, который жевал сочную кору сикомора. Северные олени подняли головы, но почувствовали, что он идет не за ними, и просто проводили его взглядами.

Волк ненавидел запах, который вел его по следу. Много Света и Тьмы назад плохой бесхвостый запер его в тесном каменном Логове и завязал ему пасть, чтобы он не мог завывать. Плохой бесхвостый морил его голодом и отдавливал ему хвост, а когда Волк взвизгивал от боли, *он смеялся*.

Потом он напал на его Брата. Волк прыгнул на плохого бесхвостого, вцепился в его волосяную переднюю лапу и откусил несколько костяшек с сочным мясом.

Волк побежал быстрее. Он не знал, зачем преследует Укушенного – волки не охотятся на бесхвостых, даже на плохих, – но он знал, что должен идти за ним. Запах стал гуще. Сквозь голоса ветра, берез и птиц Волк слышал, как бесхвостый гребет по Мокрой палкой. Волк чуял, что собаки с ним нет.

А потом он его увидел.

Укушенный плыл вверх по Мокрой на дубовом стволе. У него на боку сверкнул большой коготь из серого камня. Волк чуял запах сосновой смолы и оленьей шкуры, а еще чужой запах жуткого Яркого Зверя, Который Холодно Кусается.

Волк почувствовал хватку челюстей страха. Укушенный сидел прямо и наслаждался своей силой. Он был очень-очень сильным. Даже Яркий Зверь, Который Жарко Кусается, не осмелился на него напасть. Волк сам видел, как бесхвостый сунул руку в пасть Яркого Зверя и вытащил ее обратно целой и невредимой.

За много прыжков от Волка послышался тонкий свист полой птичьей косточки. В нее дули Большой Бесхвостый или Сестра, когда хотели его позвать.

Волк не знал, что делать. Ему хотелось побежать на свист, но тогда пришлось бы повернуть назад.

Птичья косточка продолжала звать его.
Укушенный скользил вверх по Мокрой.
Волк не знал, что делать.

* * *

– Ты дал ему уйти! – кричал Торак, он был так зол, что говорил, как люди. – Он был у тебя под носом, а ты дал ему уйти!

Волк поджал хвост и спрятался за Фин-Кединна, который стоял на коленях и разжигал огонь.

– Торак, прекрати! – крикнула Ренн.
– Но он был совсем рядом!
– Я знаю, только он не виноват. Я виновата!

Торак повернулся к Ренн.

– Я звала Волка, – сказала она. – Это из-за меня он упустил Тиаци.

Она разжала кулак, и Торак увидел у нее на ладони маленький свисток из косточки тетерева, который подарил ей два лета назад.

– Зачем ты это сделала?

– Я волновалась за него. А ты... тебе как будто было все равно.

Эти слова разозлили Торака еще сильнее.

– Конечно, мне не все равно! Разве я могу не беспокоиться за Волка?

Волк за спиной Фин-Кединна прижал уши и неуверенно завил хвостом.

Торак почувствовал укол совести. Что с ним не так? Волк был таким радостным, когда примчался на их стоянку и с гордостью рассказал Тораку, что оставил след Укушенного, как только услышал его зов. И он растерялся, когда Торак на него сорвался, и не мог понять, что сделал не так.

Торак опустился на колени и тихо заскулил. Волк подбежал к нему.

Торак уткнулся лицом ему в загривок: «Прости».

Волк лизнул его ухо: «Я понимаю».

– Что со мной не так? – пробормотал Торак.

Фин-Кединн, который никак не отреагировал на его срыв, велел ему сходить за водой. Ренн ничего не сказала, только сердито сверкала глазами.

Торак схватил бурдюк и побежал к мелководью.

Всю ночь и все утро они шли вверх по течению Лосиной реки. Останавливались, только чтобы сделать короткую передышку. Стремнина, где сливались Широкая Вода и Черная Вода, была уже близко. Дважды они встречали охотников, которые видели большого мужчину, плывущего вверх по реке.

«Он уходит», – подумал Торак, тяжело опустившись на ствол поваленного дерева.

День выдался ветреный, Лес словно был не в ладах сам с собой. Где-то тоскливо заревел одинокий лось. В сухом тростнике на противоположном берегу два зайца колотили друг друга передними лапами.

Торак почуял запах дыма от костра и услышал, как аппетитно шкворчат лепешки. Он проголодался, но не мог заставить себя вернуться к Фин-Кединну и Ренн. У него было такое чувство, словно между ними выросла стена, прозрачная, но прочная, как лед посреди зимы. Его преследовало пророчество Саеунн о его приемном отце. Что, если Ренн права и Тиаци приготовил для них западню? Что, если он, Торак, ведет Фин-Кединна на верную смерть?

И все же выбора у него не было – он должен был идти вперед.

Волк, мягко ступая, спустился на берег и положил к ногам Торака палку в подарок. Торака поднял палку и повертел ее в руке.

«Ты грустный. – Волк подергал одним ухом. – Почему?»

«Брат со светлой шкурой, который пах морской собакой, – сказал Торака по-волчьи, – не дышит. Его убил Укушенный».

Волк потерся боком о плечо Торака, Торака прижался к нему, чувствуя тепло его шерсти.

«Ты охотишься на Укушенного», – сказал Волк.

«Да», – ответил Торака.

«Потому что он плохой?»

«Потому что он убил моего Брата».

Волк наблюдал за скользящей над водой стрекозой.

«И когда Укушенный перестанет дышать, Брат со светлой шкурой снова станет дышать?»

«Нет».

Волк наклонил голову и посмотрел на Торака непонимающими янтарными глазами.

«Тогда зачем?»

Торака хотел ответить Волку, что должен отомстить за Бейла, но он не знал, как это сказать по-волчьи. А даже если бы и знал, он не думал, что Волк его поймет. Может быть, волки вообще не мстят.

Они сидели и смотрели, как над бурой водой летает мошкара. Торака заметил форель и проследил за тем, как она уходит на глубину.

Торака знал, что они разные, а вот Волк, похоже, этой разницы не видел. Иногда Волк из-за этого расстраивался, особенно когда Торака не мог сделать то, что делают все волки. От этих мыслей Торака стало тоскливо и немного тревожно.

Он огляделся и увидел, что Волк уже ушел, а на небо набежали облака. Кто-то стоял в тростнике на другом берегу и смотрел на Торака.

Это был Бейл.

Вода беззвучно струилась по его безрукавке. В мокрых волосах запутались водоросли. Его глаза на бледно-зеленом лице были похожи на два темных синяка. Злость. И упрек.

Торака попытался закричать, но его язык словно присох к небу.

Бейл поднял руку и указал на него. У него зашевелились губы. Торака ничего не услышал, но все хорошо понял.

Ты виноват.

– Торака?

Чары рассеялись. Торака вздрогнул и резко обернулся.

У него за спиной стояла Ренн, она явно сердилась.

– Я тебя звала!

Бейл исчез, только ветер раскачивал на другом берегу сухой тростник.

– Что-то случилось? – спросила Ренн.

– Нет... ничего, – запинаясь, ответил Торака.

– Ничего? Ты серый, как пепел.

Торака тряхнул головой, он не мог ей открыться.

Ренн передернула плечами, Торака понял, что задел ее.

– Ладно, я принесла тебе поесть. – Ренн протянула ему завернутую в лист щавеля еще теплую лепешку. – Можешь съесть на ходу.

* * *

Сидя в лодке, Ренн наблюдала за Волком, который бежал среди деревьев по берегу реки: он то задирает морду, чтобы поймать запах, то вынюхивал что-то в кустах.

Волк много раз находил места, где Повелитель Дубов устраивал стоянку, чтобы поесть или отдохнуть. Тиаци, похоже, не спешил попасть в Сердце Леса, и Ренн от этого было не по себе, но она не делилась опасениями с остальными. Фин-Кединн был слишком занят своими мыслями, а Торак...

Ренн хотелось, чтобы он обернулся и заговорил с ней. Торак сидел впереди, выпрямив спину, и неустанно осматривал берег реки в поисках следов Тиаци. Ренн налегла на весло. Она злилась потому, что для Торака главное – найти Тиаци, а то, что Фин-Кединн в опасности, его, похоже, вообще не волновало.

Наконец они доплыли до порогов и вышли на берег, чтобы перенести лодки по суше. Волк уже целеустремленно бежал вверх вдоль Черной Воды.

– Далеко еще до Сердца Леса? – спросил Торак, когда они спускали на воду вторую лодку.

– Один день, – ответил вождь племени Воронов. – Может, чуть больше.

Торак скрипнул зубами:

– Если он туда доберется, мы никогда его не найдем.

– Мы его нагоним, – сказал Фин-Кединн. – Он не торопится.

– Хотелось бы знать почему, – сказала Ренн. – Возможно, это западня. А даже если нет, он все равно скоро узнает, что на него охотятся.

Фин-Кединн кивнул, но ничего не ответил. Он весь день был каким-то отрешенным, не разговаривал, то и дело, прищурившись, смотрел на реку, как будто Черная Вода вызывала в его памяти воспоминания, о которых он хотел забыть. Деревья, что росли вдоль берегов, отбрасывали на воду густую тень, такую темную, что нельзя было увидеть дно. Стоило Ренн немного наклониться – она чувствовала запах гниющих листьев.

Когда они снова залезли в лодки, Ренн настояла на том, чтобы сесть впереди. Ей до смерти надоело смотреть в спину Тораку и гадать, о чем он думает. Понятно, что о том, как найти Тиаци. Но что Торак собирается сделать, когда его найдет? Закон племен запрещал убивать без предупреждения, а значит, Торак должен был вызвать Повелителя Дубов на поединок. Ренн гнала прочь мысли об этом. Торак был сильным и ловким бойцом, но ему еще не исполнилось пятнадцати лет, какие у него были шансы против самого сильного человека в Лесу?

– Ренн?

Она аж подскочила от неожиданности.

– Когда кто-то спит, ты можешь понять, снятся ему сны или нет? – спросил Торак. – Ну, когда глядишь на него?

Ренн пристально посмотрела Тораку в глаза. Он поджал губы и отвел взгляд.

– Когда человек видит сны, у него двигаются глаза, – сказала Ренн. – Так говорит Саеунн.

Торак кивнул:

– Если увидишь, что я что-то вижу во сне, разбудишь меня?

– Зачем? Что ты видел?

Торак отрицательно покачал головой. Он был как волк, заставить его сделать что-то против воли было просто невозможно.

Но Ренн все равно попыталась:

– Что, Торак? Почему ты мне не говоришь?

Торак открыл рот, и Ренн показалось, что он сейчас заговорит, но в следующую секунду у него расширились глаза, он схватил ее за капюшон и дернул вниз, причем так резко, что она ударилась виском о борт лодки.

– Ау! – вскрикнула Ренн. – Ты что...

– Фин-Кединн, пригнись! – закричал Торак.

Ренн хотела выпрямиться, и тут что-то просвистело у нее над головой. Она увидела, как Фин-Кединн взмахнул ножом, а Волк взвизгнул и подпрыгнул, будто ужаленный. Тонкая, как нить осенней паутины, линия оборвалась и упала на воду.

Никто даже не дышал. Ренн выпрямилась и потерла висок. Торак выгреб на середину реки и подхватил конец упавшей на воду нити.

– Натянули, как тетиву, – сказал он.

Можно было ничего не объяснять. Лодки быстро плыли вперед, а перед ними от дерева до дерева, росших на противоположных берегах реки, была натянута прочная нить из сухожилий. На уровне шеи.

Ренн непроизвольно прикоснулась к шее. Если бы Торак не дернул ее вниз за капюшон, нить из сухожилий перерезала бы ей горло.

– Он знает, что на него идет охота, – сказал, поравнявшись с ними, Фин-Кединн.

– Но... может, он не знает, что это Торак, – сказала Ренн.

– Это ты к чему? – спросил Торак.

– Стал бы он так рисковать, если бы знал, что это ты? – вопросом на вопрос ответила Ренн. – Ему ведь нужна твоя сила.

– Может, нужна, а может, и нет, – сказал Фин-Кединн. – Тиაცი самонадеян. Превыше всего он верит в собственную силу. И у него огненный опал. Возможно, он решил, что ему не нужна сила блуждающей души. А если так, ему все равно, кого убивать.

Глава 6



Нить из сухожилий поранила переднюю лапу Волка. Крови почти не было, но Торак все равно настоял на том, чтобы Ренн смазала царапину мазью из тысячелистника и мозгового гороха, которая была у нее в мешочке с целебными травами.

– Он же все равно все слижет.

Волк тут же так и сделал.

Но Тораку было все равно, ему как будто самому стало легче от этой мази.

Он в последний момент заметил ту нить. А если бы не заметил? Тогда Ренн и Фин-Кединн могли бы пострадать из-за его ошибки. От одной этой мысли у Торака сводило кишки.

Одна ошибка, всего одна ошибка – и она всю жизнь будет тебя преследовать.

Торак присел на корточки на берегу и размял в руках горсть влажной мыльнянки. Подняв голову, он увидел, что за ним наблюдает Фин-Кединн. Они были одни. Волк пил на мелководье, а Ренн уже сидела в лодке. Фин-Кединн полил Тораку на руки из бурдюка.

– Не волнуйся за меня, – сказал вождь племени Воронов.

– Но я волнуюсь. Саеунн знала, что говорит.

Фин-Кединн пожал плечами:

– Знаки. Нельзя жить с оглядкой на предзнаменования. – Он закинул бурдюк на плечо. – Идем.

До глубокой ночи они следовали за Волком вверх по Черной Воде, немного поспали под лодками и до наступления рассвета поплыли дальше. Вдоль берегов, словно часовые, выстроились ели с бородами из мха и еще голые деревья. Прошлогодние листья дубов шелестели на ветру, черные почки ясеня блестели, словно крохотные наконечники копий.

Наконец впереди показались окружавшие Сердце Леса холмы. Торак подходил к ним два лета назад, только гораздо севернее. Здесь склоны холмов были круче. Серые скалы с глубо-

кими, словно вырубленными гигантским топором трещинами. Эхо бормотания тетеревов разносилось, как стук падающих камней.

С наступлением сумерек Волк прыгнул в реку и переплыл на другой берег, хорошенько отряхнулся и побежал на север, потом, приюхиваясь, вернулся к реке по собственным следам.

Они пристали на мелководье. Торак вылез из лодки, чтобы изучить следы. Неудивительно, что Волк был сбит с толку, – следы не читались, как будто по земле недавно повалялся кабан.

– Здесь был не только Тиаци, – сказал Торак. – Видите тот след пятки? Он не такой глубокий, и вес перенесен вовнутрь стопы.

– Значит, с ним кто-то был, – сказала Ренн.

Торак погрыз ноготь большого пальца.

– Нет. След Тиаци темнее, и жук переполз через тот след, а не через его. Кто бы это ни был, он был здесь раньше Тиаци.

Волк что-то почуял. Они оставили лодку и пошли за ним по овражку, который проточил питавший Черную Воду ручей.

Через двадцать шагов Торак остановился.

Следы кричали ему в лицо, они насмеялись над ним: «Вот он я».

Тиаци оставлял свои следы у всех на виду.

– Повелитель Дубов, – сказал Фин-Кединн.

Торак прочитал по следам кое-что еще. Отпечаток ступни – картинка, которая может рассказать многое, главное, чтобы ты умел по ней читать. Торак умел. Перед тем как уплыть с Острова Тюленей, он изучил следы Тиаци, он знал их во всех подробностях.

И это было не все. Торак заставил овраг раскрыть свои секреты.

– Он оставил лодку на мелководье, – наконец сказал Торак. – Потом поднялся сюда. На левом плече нес что-то тяжелое. Может быть, топор. Поднялся и вернулся по своим следам, сел в долбленку и уплыл. – Торак сжал кулаки. – Он сытый, хорошо отдохнул и быстро двигается. Он получает удовольствие.

– Но зачем ему приходить сюда? – оглядевшись по сторонам, спросила Ренн.

– Не нравится мне это, – сказал Фин-Кединн. – Вспомните ту нить из сухожилий. Лучше вернемся к лодкам.

– Нет, – сказал Торак. – Я хочу узнать, какая у него цель.

Фин-Кединн вздохнул:

– Не уходи слишком далеко вперед.

Они устало пошли дальше: Торак с Волком – впереди, за ними – Ренн и Фин-Кединн.

Деревья поредели. Торак карабкался вверх между огромными валунами, Волк легко бежал перед ним. След свернул направо. Деревья закончились.

Торак оказался на голом каменном холме. Его вершина в ста шагах выше была черной, словно ее опалило огнем. Склон холма был завален деревьями, выброшенными наводнением, между ними то тут, то там выступали, как сломанные зубы, валуны. Внизу Черная Вода огибала холм и убегала дальше, к двум скалам, которые, как челюсти под странным углом, наклонялись друг к другу. А за этими скалами виднелись силуэты темных дубов и зубчатых елей Сердца Леса.

Волк наострил уши и тихо фыркнул.

Торак проследил за его взглядом и увидел под свисавшими над берегом реки ивами всплеск весла. Волк побежал вниз по склону, Торак едва не упал, наступив на ствол поваленного дерева, и метнулся за ним.

– Торак! – тихо окликнула его Ренн.

– Не беги так! – предостерег Фин-Кединн.

Но Торак не обращал на них внимания. Он не мог упустить свою добычу.

И – вот она. Всего в пятидесяти шагах от Торака гребет в долбленке к Сердцу Леса.

Торак, перепрыгивая через поваленные деревья, вытащил из колчана стрелу и вставил ее в лук. Он больше никого не слышал. Единственное, что он слышал, – это плеск весла, а единственное, что видел, – это как длинные красновато-коричневые волосы развеваются на ветру.

Торак забыл закон племен, он забыл обо всем, кроме мести.

Под ногой провернулся ствол дерева. Что-то зацепилось за лодыжку. Он на ходу высвободил ногу. За спиной раздался громкий треск. Торак оглянулся и похолодел от ужаса: холостой канат был привязан к спусковому бревну с недавно заостренным концом, который для маскировки был густо замазан глиной.

Гора поваленных деревьев пришла в движение.

«Дурак. Еще одна ловушка».

А потом на Торака покатались стволы деревьев. Он закричал, чтобы предупредить остальных, и, отпрыгнув, забился в небольшое углубление под ближайшим валуном. Бревна перекатывались над его головой и падали в реку, поднимая фонтаны брызг. Торак, сжавшись в комок, сидел под валуном и слушал, как между склонами холмов эхом разлетается смех. Он мысленно представил, как Тиаци в долбленке плывет между скалами-челюстями и исчезает в Сердце Леса.

А потом весь склон пришел в движение.

– Ренн! Ренн! – закричал Фин-Кединн.

Глава 7



У Торака от грохота заложило уши. Земля забила рот.

– Ренн? – отплевываясь, позвал он.

Никто не ответил.

– Фин-Кединн? Волк?

Камни эхом отражали его ужас.

Валун, под которым укрылся Торак, завалило ветками. Он почувствовал приступ паники и начал яростно разгребать ветки.

Выбравшись наружу, жадно глотнул свежего воздуха и закричал:

– Ренн! Фин-Кединн!

Волк показался на вершине холма и, царапая когтями голые камни, помчался вниз к Тораку. Слова были лишними, хватило одного тычка носом – и они начали поиски. Стволы поваленных деревьев угрожающе скрипели под ногами.

Кто-то скулил:

– Нет-нет, прошу, только не они.

Торак не сразу узнал собственный голос.

А потом он услышал хлопанье крыльев, и в десяти шагах от него на ветку опустилась Рек. Волк залаял и подбежал к вороне. Торак на нетвердых ногах подошел к ним и увидел между завалами из веток темно-рыжие волосы.

– Ренн?

Торак просунул руку между ветками и схватил ее за рукав.

Она застонала.

– Ты как, в порядке? – спросил Торак.

Ренн закашлялась и пробормотала что-то похожее на «да».

– Тут дыра, я сейчас ее расширю. Давай руку, я тебя вытащу, – сказал Торак.

Но Ренн, оставаясь сама собой, сначала передала Тораку свой лук и только потом, извиваясь, выбралась из-под завала. Глаза у нее расширились от страха, но, если не считать пары царапин, она была цела.

– Фин-Кединн, – сказала Ренн.

– Не могу его найти.

Лицо Ренн побелело.

– Он спас мне жизнь. Оттолкнул, когда на нас покатались деревья.

Волк стоял чуть ниже по склону на поваленной ели и смотрел себе под лапы. Он навести уши и нетерпеливо поглядывал на своего Брата по стае.

Ель лежала поверх березы, а та – на другой ели. Под березой с закрытыми глазами лежал вождь племени Воронов.

– Фин-Кединн? – дрожащим голосом позвала Ренн. – Фин-Кединн?

Глаза вождя оставались закрытыми.

Они начали яростно растаскивать ветки и стволы деревьев. Послышался треск, весь холм содрогнулся. Они молчали, опасаясь, что звук голоса повлечет за собой что-то ужасное.

Солнце клонилось к закату, а они все работали. Наконец добрались до березы, но ее было не сдвинуть. Торак воткнул под березу ствол молоденького деревца и навалился на него всем телом. Береза слегка сдвинулась.

– Придется тащить, – сказала Ренн.

Они в четыре руки извлекли Фин-Кединна из-под березы. Вождь не подавал признаков жизни. Ренн, в надежде почувствовать дыхание Фин-Кединна, поднесла запястье к его губам. Торак заметил, как она нервно сглотнула.

Потом они волоком дотащили Фин-Кединна до свободной от поваленных деревьев каменной поверхности холма. На восточном склоне, который смотрел в сторону Сердца Леса, Торак нашел уступ. Встать в полный рост под ним было нельзя, но как укрытие он очень даже подходил.

Ренн, сцепив руки, стояла на коленях рядом с дядей. Рип и Рек хлопали крыльями и каркали. Волк понюхал висок вождя и заскулил на такой высокой ноте, что Торак едва мог его слышать.

У Фин-Кединна дрогнули веки, он приоткрыл глаза и тихо пробормотал:

– Где Ренн?

* * *

Береза, приняв на себя вес поваленных деревьев, спасла жизнь Фин-Кединну, но придавила ему левую сторону груди.

Ренн взялась за дело: стянула с дяди парку и разрешила шнуровку на его безрукавке. Она старалась все делать осторожно, но Фин-Кединн все равно чуть не потерял сознание от боли.

– Три ребра сломаны, – сказала Ренн, ощупав пальцами спину дяди.

Фин-Кединн засипел от боли. Глаза у него были закрыты, лицо посерело, а кожа стала холодной и влажной. Он часто и неглубоко дышал. Торак видел, что каждый вдох и каждый выдох были для вождя как удар ножом в бок.

– Он выживет? – тихо спросил Торак.

Ренн сверкнула на него глазами.

– Внутреннее кровотечение? – спросил он шепотом.

– Не знаю. Если кровь пойдет горлом...

Фин-Кединн скривил губы в болезненной улыбке:

– Тогда мне конец. Саеунн была права. Я не дойду до Сердца Леса.

– Молчи, тебе нельзя разговаривать, – предостерегла его Ренн.

– Говорить не больше, чем дышать, – сказал вождь. – Где мы?

Торак ему рассказал.

– О, только не здесь! – простонал Фин-Кединн. – Только не на этом холме!

– Мы не можем тебя перетащить. Не сейчас, – сказала Ренн.

– Это плохое место, – пробормотал Фин-Кединн. – Заколдованное. Проклятое.

– Больше ни слова! – строго напомнила Ренн, разрезая низ своей безрукавки на полосы для перевязки.

Волк, уткнув морду в лапы, лежал рядом. Рип и Рек расхаживали взад-вперед своей вороной походкой. Фин-Кединн мотал головой из стороны в сторону. Торак смотрел на вождя, никогда прежде он не чувствовал себя таким беспомощным.

Ренн попросила его принести ветки для костра, и он убежал. У него дрожали руки, он то и дело ронял подобранные ветки.

«Если бы береза упала чуть правее, она бы раздавила вождю грудь и сейчас мы с Ренн рисовали бы на ней Метки Смерти. И все из-за меня. Я мог погубить всех нас».

Торак стоял на склоне холма, который спускался к Черной Воде. Оленья тропа шла по берегу и уходила мимо одной из каменных Челюстей в Сердце Леса. Торак представил, как Повелитель Дубов исчезает в полумраке. Он был так близко.

Наверху, в укрытии, Фин-Кединн провалился в неглубокий сон, а Ренн, опустившись на колени, пыталась с помощью кремня разжечь бересту.

– Ладно, иди уже, – сказала она, не глядя на Торака.

– Ты о чем? – не понял тот.

– Иди за ним. Ты ведь этого хочешь.

Торак посмотрел ей в глаза:

– Я вас не оставлю.

– Но ты хочешь уйти.

Торак поморщился.

– На то, чтобы вернуть Фин-Кединна в племя, уйдет много дней, – сказала Ренн, безрезультатно чиркая кремнем. – Мы теряем время, а Тиаци уходит все дальше. Ты ведь об этом думаешь?

– Ренн...

– Ты с самого начала не хотел, чтобы мы пошли с тобой! Что ж, теперь ты можешь от нас избавиться!

– Ренн!

Их обоих трясло от напряжения, бледные, они смотрели друг другу в глаза.

– Я вас не оставлю, – повторил Торак. – Утром я приведу сюда лодки, а потом решим, что делать дальше.

Ренн наконец удалось высечь искру, и она дрожащими губами раздула огонь.

Торак опустился рядом с ней на колени и помог подпитать огонь сначала щепками, а потом и ветками. Когда костер разгорелся, Торак взял Ренн за руку. Она сжала его кисть так сильно, что ему стало больно.

– Он победил, мы проиграли, – сказала Ренн.

– Да, но еще не все потеряно, – успокоил ее Торак.

* * *

Ночь становилась все темнее, и по небу плыл осколок луны. Ренн сказала, что это дарит надежду: луна будет увеличиваться и силы Фин-Кединна – вместе с ней. Торак слушал ее и думал, что она очень старается убедить в этом саму себя.

Пока Ренн ухаживала за Фин-Кединном, Торак принес из лодок припасы, а потом обложил ветками их укрытие под уступом, оставив только щель для дыма от костра. У реки сорвал пучок окопника. Ренн размолола корни для примочки, а он на скорую руку сделал из бересты плоску и приготовил в ней укрепляющий отвар из листьев. Потом они вместе перевязали грудь Фин-Кединну – плотно, насколько смогли, – чтобы ребра встали на место. Когда дело было сделано, все трое были бледные и мокрые от напряжения.

Ренн подбросила в костер веток можжевельника и, чтобы прогнать заразных червей, напустила в убежище немного дыма. Торак в благодарность Лесу за то, что его приемный отец остался жив, затолкал в щель в камне кусочек сушеной конины. После этого они немного поели и сами.

Но Фин-Кединн не съел ни крошки.

Когда зашла луна, он стал нервничать:

– Поддерживайте огонь. Ренн, прочерти вокруг укрытия линии силы.

Ренн встревоженно посмотрела на Торака. Если вождь начал блуждать в своих мыслях – это плохой знак.

Торак заметил, что вороны, вместо того чтобы устроиться на ночлег, скачут между камнями, а Волк лежит у входа в укрытие и всматривается в темноту за костром. У него появилось неприятное ощущение, что они все настороже.

Ренн взяла свой мешочек с целебными травами и пошла к выходу из укрытия, чтобы начертить линии силы.

– Не уходи далеко, – предостерег ее Фин-Кединн.

Торак подкинул в костер еще одну ветку.

– Ты сказал, что это плохое место. Что это значит?

Фин-Кединн смотрел на огонь.

– Здесь ничего не растет. Ничего с тех пор, как демонов загнали обратно под камни. – Он помолчал. – Но они близко, Торак. И они хотят выбраться наружу.

Торак обмакнул клочок мха в воду и протер лоб приемного отца.

Он понимал, что Ренн разозлится, потому что ее дяде нужно беречь силы, но ему надо было узнать.

– Расскажи мне, – попросил он.

Фин-Кединн закашлялся, Торак придержал его за плечи. Когда приступ кашля закончился, кожа вокруг глаз вождя стала синей.

– Много лет назад, – начал Фин-Кединн, – на этом холме росли деревья. Березы и рябины пустили корни в трещины между камнями. Они удерживали демонов. – Вождь попытался повернуться и сразу поморщился от боли. – Ночь Душ. Это было очень давно. Люди пришли, чтобы выпустить их.

Ренн вернулась и опустилась на колени рядом с дядей.

– Но демоны ведь не могут выбраться, да? – спросила она. – Я чувствую их под камнями, они очень близко.

– Один человек остановил их, – сказал Фин-Кединн. – Он поджог этот холм и загнал демонов обратно под камни. Но огонь сбежал. – Вождь облизал пересохшие губы. – Это страшно... Огонь способен взобраться на дерево быстрее рыси, а когда добирается до верхушки, бежит куда пожелает. Вы не поверите, насколько он быстрый. Он сожрал всю долину.

Тораку стало не по себе.

– Кто-то пострадал?

– Попали в западню. Страшные ожоги. Один погиб. – Вождь поморщился, как будто почувствовал запах горелого мяса.

Торак вглядывался в темноту.

– Это случилось здесь? – шепотом спросил он.

– А ты разве не знаешь? – спросил Фин-Кединн.

У Торака волоски на руках встали дыбом.

– Значит, это здесь...

– Да. Здесь твой отец расколол огненный опал. Здесь он сломал силу Пожирателей Душ.

Где-то в темноте закричала лисица. Потом они услышали низкое уханье. Торак с Ренн переглянулись. Это ухал филин.

– Я, когда чертила линии силы, почувствовала, что рядом кто-то есть. Но это были не демоны. Что-то другое. Кто-то потерялся и разнюхивает все вокруг.

– Это духи, – сказал Фин-Кединн. – Дух умершего.

В темных глазах Ренн отражались языки пламени костра.

– Седьмой Пожиратель Душ?

Вождь племени Воронов ничего не ответил.

Сгоревшая ветка сломалась, и над костром взметнулся сноп искр.

Торак подскочил на месте.

– Ты был здесь в ту ночь? – спросил он.

– Нет. – Фин-Кединн снова поморщился, но Тораку показалось, что в этот раз не от боли. – Я был здесь после большого пожара. Твоя мать с отцом нашли меня и умоляли помочь им бежать.

Ренн положила руку на плечо дяди:

– Тебе нужен отдых. Хватит разговоров.

– Нет! Я должен об этом рассказать! – с пугающей решимостью сказал вождь, не сводя с Торака ярко-голубых глаз. – Я был зол. Я хотел отомстить ему за то, что он... за то, что он забрал твою мать. И я им отказал.

Торак услышал, как цокают по камням когти воронов. Он смотрел в глаза приемного отца и не хотел, чтобы его слова были правдой, но понимал, что все так и было.

– На следующий день я смягчился, – продолжил Фин-Кединн. – Я пошел к ним, но они уже ушли. Сбежали в Сердце Леса. – Вождь закрыл глаза. – Больше я их не видел. Если бы я им помог, она бы могла остаться в живых.

Торак прикоснулся к его руке:

– Ты не мог знать, что все так случится.

Вождь племени Ворона горько улыбнулся:

– Так ты и себя утешаешь? Помогает?

Волк с рычанием вскочил на лапы и помчался за добычей, которую никто, кроме него, не мог почуять. Из костра выкатился уголек, Торак ногой пнул его обратно. Свет от костра в окружавшей их темноте вдруг показался такой ненадежной защитой.

– Поддерживайте огонь, – сказал Фин-Кединн. – И будьте начеку. Демоны. Духи. Они знают, что мы здесь.

* * *

Избранный наблюдает за тем, как спят отступники. Он жаждет наказать их и выпустить огонь на волю. Девочка, которая разводила огонь, делала это неправильно, без уважения. Она – отступница. Она не следует Истинному Обычаю. Мальчик бросил в костер ветку, пнул ее ногой. Он тоже сбился с Пути. Повелитель узнает об этом. Повелитель чтит огонь, огонь чтит Повелителя. Повелитель накажет отступников.

Огонь священный. Огню должно поклоняться, ибо он – воплощение истины и чистоты. Избранный любит огонь за его жуткий свет и жаждет поглотить Лес, за его внушающую ужас ласку. Избранный жаждет воссоединиться с огнем.

Ветер меняется, Избранный становится на колени перед огнем, чтобы испытать его горечь. Он набирает в ладони пригоршни золы. Зола горькая, от нее становится тяжело в животе. В ней сила и в ней истина.

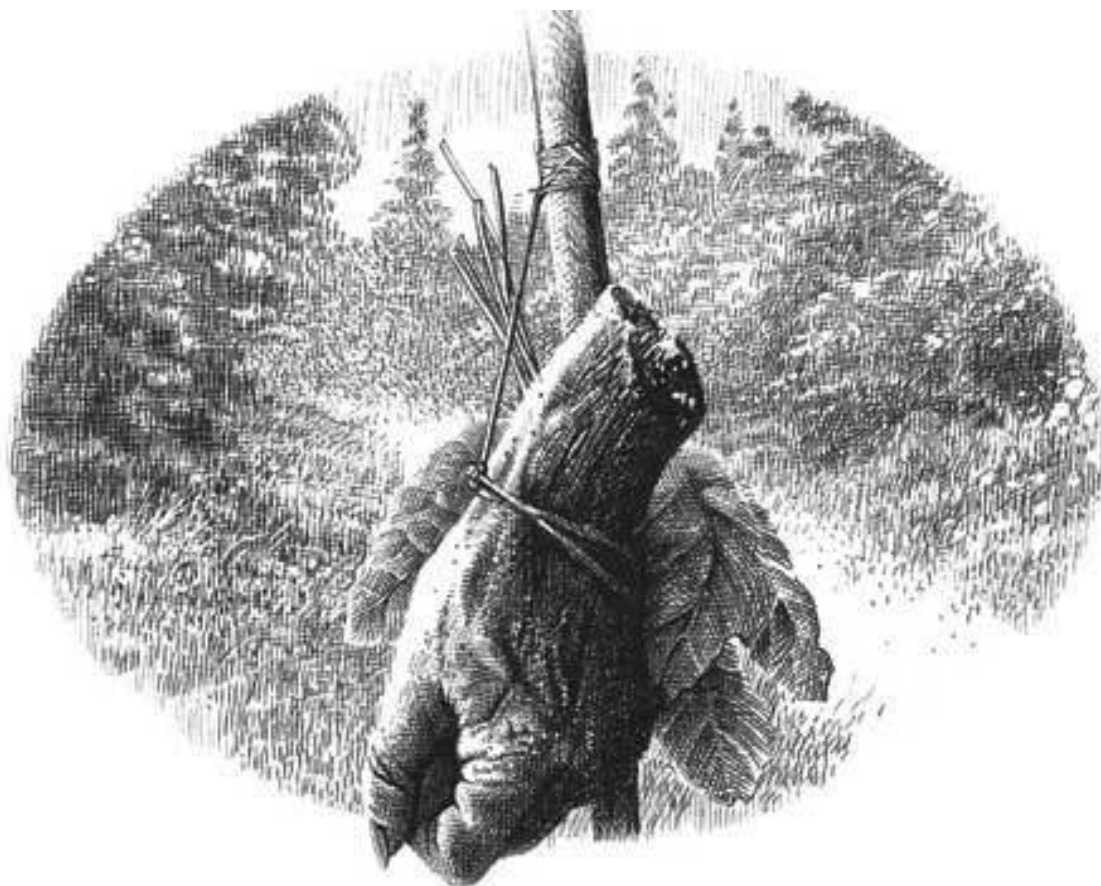
Раненый человек стонет во сне. Сон мальчика беспокойен, но девочка спит как убитая. А над ними на страже – Волк и вороны. Огонь оставлен без присмотра. Без должного уважения.

В груди Избранного закипает гнев.

Отступники – воплощение зла.

Они должны быть наказаны.

Глава 8



Торак проснулся до рассвета. Огонь уже догорал. Остальные еще спали. Ренн лежала на боку, вытянув перед собой руку, Фин-Кединн хмурился, как будто ему даже во сне было больно. Они были такими уязвимыми.

Торак тихо выполз из спального мешка и беззвучно выбрался из укрытия. Увидев, как внизу, на склоне холма, росомаха встала на задние лапы, принялась и побежала дальше, Торак понял, что Волк ушел из укрытия на охоту. Если бы он был рядом, росомаха не осмелилась бы подойти так близко. Ему стало не по себе: кто еще мог подкрасться к их укрытию?

Туман укрывал Черную Воду. В лесу проснулись птицы, но воронов нигде не было видно.

Торак смотрел на склон холма и видел только голые камни. Он забрался на вершину. Ничего. Лишь пень на западном склоне вцепился корнями в трещины между камнями, под которыми кишели демоны. Торак подумал о своем отце. Па высек искру событий, которые привели его на этот холм, но Торак с ужасом понял, что почти не помнит его лица.

Небо начало светлеть, и Торак заметил слабый след башмака. Он вытащил нож и обошел по следу укрытие. Возле самого края Торак увидел небольшой холмик из золы и нахмурился – кто-то очень аккуратно его насыпал, как подношение. Тот, кто наблюдал за ними ночью.

В тумане у реки что-то мелькнуло. У Торака екнуло сердце.

Кто-то смотрел на него с другого берега. Лица было не разглядеть. Торак видел только длинные светлые волосы. И поднятую руку. Рука указывала на него. Указывала как на виновного.

Торак потрогал мешочек с целебными травами на бедре и почувствовал под пальцами рожок. Убрал нож и начал спускаться вниз по склону холма. Ему было до смерти страшно

встретиться лицом к лицу с Бейлом, но он думал о том, что у него может появиться шанс поговорить с ним и сказать о том, как ему жаль, что все так получилось.

Птицы умолкли. По обе стороны от следа белый туман укрывал верхушки цикуты.

Торак услышал шаги.

Из тумана выскочил мужчина с выпученными от ужаса глазами.

Он бросился к Тораку, вцепился в его парку и, глядя ему за спину, закричал:

– Помоги! Они... они...

– Кто?

– Сердце Леса! – Мужчина махнул культией, в которую превратилась его рука с отрезанной кистью, и забрызгал лицо Торака кровью. – Они отрезали мне руку!

* * *

– Только безумец пойдет туда, – простонал мужчина, пока Ренн перевязывала его культю. Его перестало трясти, но он вздрагивал всякий раз, когда в костре потрескивали угли.

Мужчина сказал, что его зовут Гауп и он из племени Лосося. Его парка и штаны были подшиты испачканным рыбьим жиром беличьим мехом, а на щеке была татуировка его племени. На шее у него была повязка из почерневшей от пота шкуры лосося, а в волосы вплетены рыбы косточки. Увидев их, Торак сразу вспомнил о Бейле.

Фин-Кединн приподнялся и оперся спиной о скалу.

– Это сделали люди из Сердца Леса? – спросил он сквозь стиснутые от боли зубы.

– Они поклялись, что, если увидят меня снова, отрежут не руку, а голову.

– Но они постарались сделать так, чтобы ты выжил, – заметила Ренн. – Они прижгли рану раскаленным камнем, чтобы ты не истек кровью.

– И что, теперь я за это должен их благодарить? – возмутился Гауп.

– А Ренн за то, что она зашила твою культю, поблагодарить не хочешь? – спросил Торак.

Гауп зло сверкнул глазами. Он и Торака не поблагодарил за то, что тот помог ему добраться до укрытия и дал еды и воды. А еще Торак заметил на подошвах его башмаков следы золы.

Но Торак не стал ему пенять, вместо этого он спросил:

– Ты, когда был в Сердце Леса, видел человека в долбленке? Он большой и очень сильный.

– Плевать я хотел на кого-то там в долбленке, – огрызнулся Гауп. – Я искал своего ребенка! Ей всего четыре лета, и они ее забрали!

Торак переглянулся с Ренн. Она подумала о том же. Пожиратели Душ забирали детей, чтобы сделать из них сосуды для демонов. Чтобы сделать из них токоротов.

Фин-Кединн пошевелился. По его лицу было видно, как напряженно он думает.

– Тебе отрезали руку – это наказание из дурных времен после Великой Волны, – сказал вождь. – Племена давным-давно его запретили. Кто сделал это с тобой?

– Племя Зубра.

– Что? – Вождь Воронов не мог поверить своим ушам.

– Я думал, они хотят мне помочь, – сказал Гауп. – Они поделились со мной едой. Пригласили отдохнуть у своего костра. А потом сказали, что я в сговоре с племенем Лесной Лошади, и обвинили в том, что я краду их детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.